

Завершив съёмку, артисты спешно покинули павильон. У выхода неистовствовала толпа поклонниц: едва завидев кумиров, девушки рванулись вперёд, но ассистенты вовремя оттеснили фанаток, дав группе беспрепятственно пробраться к автомобилю.

— Вымотался в край! — Бай И прижался лбом к прохладному автостеклу. — А ведь ещё саундтрек записывать... Чёрт, чувствую себя как выжатый лимон. Шэнь Хуань, ты ведь тоже сегодня на съёмках?

Шэнь Хуань кивнул:

— Ага. Только я в жюри: сиди да языком чеши. Наставником быть куда проще, чем участником.

Бай И театрально застонал.

Мин Ци внимательно посмотрел на Сюй Цичэня, витавшего где-то в облаках:

— Мэнцзэ, вернёмся в общежитие — сразу ложись спать. Выглядишь совсем заторможенным.

— Слышал я про этого режиссёра Чэня — тот ещё изверг, — заметив состояние товарища, подал голос Бай И. — Если актёр не тянет, загрызёт до костей. Будет орать «стоп» до бесконечности, и плевать ему на твои графики и контракты. Пока не выдашь идеальный дубль, из павильона не выпустит. — Он лёгенько ткнул Сюй Цичэня в щеку, пытаясь подбодрить: — Да и бог с ним, не попал — и к лучшему. Для таких айдов, как мы, съёмки у него — чистое самоубийство.

Шэнь Хуань возразил:

— Вообще-то предыдущая картина Чэнь Аньпина взяла кучу наград.

— Ну да, он в последние годы с фестивалей не вылезает. Кстати, Линь Жань свою статуэтку тоже за его фильм получил. Играл какого-то психопата, ха-ха!

— А сыграл-то гениально. Ему тогда, кажется, всего двадцать один был?

— В наше время вообще выгодно играть психов, шизофреников или умалишённых — на них премии так и липнут.

Пока коллеги увлечённо спорили, Сюй Цичэнь, едва задетый их словами, вытащил телефон и вбил в поиск название той самой ленты.

«Дитя».

Эта картина, как и «Нанькэ», создавалась в совместном производстве Китая и зарубежных студий. Сюжет вращался вокруг китайского мальчика, выросшего на самом дне американского общества. Отец умер от передозировки, мать увязла в наркотической зависимости, а сам герой терпел жестокую травлю в школе. Взрослая жизнь превратила его в беспощадного серийного убийцу.

Сценарий поднимал множество острых тем: расовую дискриминацию, наркоманию, школьный буллинг и нелегальную миграцию. Выход фильма в прокат в своё время спровоцировал волну жарких споров.

Остальные участники группы разъехались по своим делам, и лишь Цзи Мэнцзэ, обладатель самого плотного графика, из-за повисшего в воздухе проекта неожиданно получил свободный день. Пользуясь передышкой, Сюй Цичэнь решил посмотреть фильм Линь Жаня.

Номер 0901 не выдержал:

— Господин Сюй, не лучше ли потратить столь драгоценное время отдыха на сон?

Сюй Цичэнь отложил печенье:

— Номер 0901, от твоих слов веет занудством заботливого папаши.

ИИ предпочёл умолкнуть.

Видеть, как сухие строки, когда-то выведенные собственной рукой, воплощаются в живое кино — волнующее чувство. Но больше всего Сюй Цичэня интриговала игра Линь Жаня.

Картина была выдержана в мрачных, давящих тонах жесткого реализма. Режиссёр почти полностью воплотил задумку, возникшую в голове Сюй Цичэня при написании книги, и это поражало.

Повествование строилось на ретроспекции. Главный герой, Крис Чэнь, представал перед зрителем в допросной палате. Линь Жань, единственный азиатский актёр в ведущем составе, ради роли исхудал до измождения. Он сидел на стуле против следователей подобно пустой оболочке, а его потухший взгляд напоминал бездонную чёрную дыру.

Фильм непрерывно метался между допросом и воспоминаниями, где реплики полицейских служили мостиками между сценами. Поначалу Сюй Цичэнь ещё пожёвывал печенье, но к середине картины кусок уже не лез в горло.

Дело было не в кровавых подробностях — фильм брал предельно натуралистичной подачей. Откровенная, почти документальная точность в сценах школьной травли Криса отзывалась липким ужасом. Записи издевательств, сделанные учителями на телефоны, оскал

жестокости, избиения, унижения, сорванная одежда, обливание помоями... Каждая сцена дышала столь достоверным кошмаром, что по спине пробежал холод.

Сюй Цичэнь с трудом представлял, через какой ад пришлось пройти Линь Жаню, чтобы прожить эту роль на экране.

В финале картины повзрослевший Крис в сопровождении надзирателей медленно шагал по мрачному коридору тюрьмы, и на его лице постепенно проступала улыбка. Режиссёр применил монтажный приём, совместив этот кадр с образом маленького мальчика, шагающего в школу со старым ранцем за спиной. Две улыбки наложились друг на друга — безысходные и жуткие.

Одного этого кадра было достаточно, чтобы безоговорочно присудить Линь Жаню высшую актёрскую награду.

Все те пышные эпитеты, которыми Сюй Цичэнь когда-то описывал мастерство Линь Жаня в своём тексте, казались блеклыми и поверхностными рядом с его реальной игрой. Почти не имея текста за пределами сцен допроса, актёр сумел передать всё: и упоение от совершенного убийства, и дикий ужас перед мучителями, и глубинное самоотвращение, когда ровесники втоптывали его в грязь под расистские выкрики «чин-чонг».

Актёрский гений в двадцать один год — без всяких оговорок.

Когда пошли титры, Сюй Цичэнь ещё долго сидел неподвижно, оглушённый мощным воздействием искусства.

«Сыграть с таким человеком хотя бы однажды... Это было бы невероятно». Сначала им двигало лишь прагматичное желание выполнить задание системы — получить роль и сойтись с Линь Жанем. Но теперь внутри вспыхнула искренняя жажда стать частью настоящего, живого произведения.

Поддавшись порыву, Сюй Цичэнь открыл Вейбо и обомлел: в топе горячих тем красовался тег [Нанькэ]. Кликнув по нему, он увидел свежие записи маркетинговых аккаунтов. На этот раз инсайдеры без стеснения называли имя Сунь Чэна, прикладывая его фотографии рядом с фото Линь Жаня и скриншотами заявки на регистрацию фильма.

Текст постов остался прежним, но информационный шум обрел куда большую уверенность, чем утром.

Сюй Цичэнь пролистал комментарии.

«Забираю нашего Чэнчэна! Ждём официального анонса~»

«Не знаю, правда или нет, но химии между ними ноль. Впрочем, вкусу Линь Жаня на сценарии

я всегда доверял.»

«Я не фанатка ни того, ни другого, но скажу: у Сунь Чэна есть юношеский задор, но с его-то жизнерадостной физиономией — и в авторское кино? (Без обид, он милашка!)»

«Умоляю, только не надо прогревать аудиторию фейками! Т_Т»

«Чья бы корова мычала о фейках! Ваша контора сама этот вброс и проплатила...»

«Кто там вякает про самопиар? Пруфы на стол, или маму потеряли!»

Жуткое зрелище.

И это касается только Сунь Чэна. Если на его месте окажется Цзи Мэнцзэ — идол из высшей лиги, — масштабы фанатской войны окажутся катастрофическими.

У таких актёров, как Линь Жань — с безупречной репутацией и успешной карьерой, — поклонники редко ввязываются в грызню, но органически не переносят, когда к их кумиру примазываются ради пиара. Фанбаза же топовых айдолов устроена иначе: чем популярнее артист, тем закалённее его аудитория. Поклонники Цзи Мэнцзэ прошли сквозь огонь и воду.

Порой Сюй Цичэню становилось искренне жаль этих девчонок. Терпя обиды в реальной жизни, они вряд ли стали бы отчаянно защищаться, но стоит кому-то задеть их кумира, как они превращаются в несокрушимую стену.

Внезапный звонок заставил Сюй Цичэня вздрогнуть.

— Алло?

— Мэнцзэ? Ты чего шепчешь? Дрыхнешь в общаге? — раздался в трубке голос Ли Юнь, переполненный скрытым торжеством.

Сюй Цичэнь неопределённо буркнул в ответ.

— Кончай давить диван, подъем! У меня отличные новости: режиссёр Чэнь и инвесторы забраковали Сунь Чэна!

«Только что ведь в сети шумели... Как всё так быстро провалилось?»

Пока он размышлял, экран телефона мигнул, оповещая о новом запросе в друзья в мессенджере.

Сюй Цичэнь переключил окно.

На аватарке незнакомца было изображено одинокое дерево.

Текст заявки состоял всего из двух слов:

«Я Линь Жань».

<http://bllate.org/book/20431/2112016>